УДК 340(470.67)

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СОСТАВЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

Исмаилов М.А., Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, *adako28@yandex.ru*

Сулейманов З.М., Кисловодский гуманитарно-технический институт, г. Кисловодск, Российская Федерация, *info@16aas.arbitr.ru*

В Дагестанской области во второй половине XIX века была проведена кардинальная реорганизация судебной системы. Были созданы суды, соответствующие системе военно-народного управления и при этом с учетом местных традиций и условий. Кроме судебной системы, изменения и новшества появились и в пенитенциарной системе, речь идет об арестантских помещениях и местах заключения в Дагестанской области.

Ключевые слова: Дагестанская область, военно-народное управление, суд, процесс, обычное право, месть, арест, преступник, ссылка, гауптвахта, зиндан.

DOI: 10.21779/2224-0241-2016-19-3-29-36

UDC 340(470.67)

THE JUDICIAL SYSTEM OF THE DAGESTAN REGION AS PART OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE: ESPECIALLY THE ADAPTATION AND INTEGRATION

Ismailov M.A., Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *adako28@yandex.ru*

Suleymanov Z.M., Kislovodsk humanitarian and technical Institute, Kislovodsk, Russian Federation, *info@16aas.arbitr.ru*

In Dagestan region in the second half of the XIX century was carried out radical reorganization of the judicial system. The relevant courts of the national military-management system have been set up and at the same time taking into account local traditions and circumstances. In addition to changes in the judicial system and innovations appeared in the prison system, we are talking about prisoners' rooms and places of detention in the Dagestan region.

Key words: Dagestan region, military and national administration, the court process, customary law, revenge, arrest, criminal, link, guardhouse, zindan.

DOI: 10.21779/2224-0241-2016-19-3-29-36

В последнее время все больше внимания привлекают проблемы, связанные с судебной системой как Российской Федерации, так и её субъектов. Такое внимание актуализирует проблему исследования истории правосудия, в том числе и в разных регионах многонациональной страны. По сути, эти проблемы были не только сейчас, но и тогда. Их практика, способы и механизм разрешения – все это становится значимой научной проблемой для ученых и практиков. Тут следует уточнить момент касательно того, что Российская Федерация – многонациональная и многоконфессиональная страна, с богатым правовым наследием и многовековым опытом создания и регулирования судебной системы с учетом норм обычного права национальных окраин, в данном случае Дагестана.

Вся практика и опыт отложились в различных фондах разных городов РФ и стран СНГ. Тут отложился корпус источников, среди которых не-

мало уникальных документов по истории государства и права народов Северного Кавказа и Дагестана с древнейших времен до XIX века. Среди них есть документы, указывающие на особенности процесса становления и развития государственно-правовых институтов и судебной системы Дагестана периода вхождения Дагестана в состав Российской империи. В этот процесс были включены все, в том числе правители феодальных владений находящиеся на службе и в некоторых случаях именно они реализовали задачи центра на местах. Примером этого являются оригинальные материалы, отражающие роль правителей феодальных владений в процессе адаптации дагестанских государственно-правовых институтов к имперскому законодательству. Помимо официальной переписки есть материалы, исходящие от правителей феодальных владений Дагестана в виде предписаний в русле общей линии центра и в рамках военно-народной

системы. На тот период важным и судьбоносным моментом для народов Северного Кавказа (Дагестана) явилось вхождение в более развитое государство и не менее важным – адаптация общественно-политических и государственно-правовых институтов к Российской империи.

Особо интересным, с научной точки зрения, представляется процесс создания и утверждения военно-народной системы, а также создание Дагестанской области как административной единицы в составе империи в многонациональном и этноконфессиональном регионе в таком, как Дагестан. Тут, помимо указанных особенностей, имелись также разные формы политического устройства – от свободных сельских обществ с независимым статусом и автономным внутренним самоуправлением до классических феодальных владений практически на всей территории Дагестана.

Это особенно относится к периоду утверждения России на Кавказе и вхождения Дагестана в состав Российской империи, с чем были связаны существенные изменения в административно-правовом и судебном плане, а также в повседневной жизнедеятельности дагестанских народов.

Как известно, происходившие изменения в социально-экономической и политической жизни в результате вхождения в состав Российской империи вызвали необходимость реорганизации существовавшей в Дагестане наряду с другими органами и судебно-правовой системы.

Царское правительство исходило из того, что запрет действия традиционных институтов и традиционного судопроизводства, и в целом адата могут вызвать недовольство у населения Дагестана, что было чревато опасными политическими осложнениями в «замыренном» крае. Многие чиновники, как в центре, так и на местах, подвергались серьезному сомнению и саму возможность достижения положительных практических результатов введением новых правовых принципов и понятий взамен привычных адата и шариата, бытовавшие веками в Дагестане. Безусловно, с учетом тех событий и того отношения этот скепсис был в какой-то мере оправдан.

С учетом этого и роли ислама в известных событиях власти обратили внимание на адат как на один из источников действующего права. Власти полагали, что незыблемость адата для горцев это тот фактор, благодаря которому они рассчитывали постепенно видоизменить адат и приспособить его для формирования новой системы управления в Дагестане.

Предоставив местной колониальной администрации совершенствование обычно-правовых норм в духе общеимперских установлений, ограничение применения или запрет тех или иных адатов, царское правительство имело в виду со временем полностью вытеснить адат и перейти к решению всех дел на основе имперского законодательства.

Процесс юридического вхождения и оформления ускорился с подписанием Гюлистанского мирного договора 1813 года. С подписанием этого договора Российская империя стала проводить политику вовлечения в общественно-политическую и экономическую орбиту вошедших в состав империи новых земель. В Дагестане был сделан акцент на реформирование административно-правовой и политической жизни как региона, вошедшего в сферу интересов России.

Этот процесс сопровождался сбором материала для создания административно-правовой и судебной системы. В русле процесса был начат сбор и систематизация норм обычного права. Согласно указанию А.П. Ермолова для сбора материала соционормативной культуры народов Дагестана привлекались различные чиновники военной администрации, даже врачи. Однако сменивший его И.Ф. Паскевич, наоборот, предлагал ввести общеимперскую систему, в том числе и суда, что он изложил в рапорте в апреле 1830 года на имя императора Николая I. В своем рапорте он отмечал: «Везде учреждения временные; странная смесь российского образа правления с грузинским и мусульманским; нет единства ни в формах управления, ни в законах, ни в финансовой системе» [1].

В свою очередь, он предлагал ввести повсеместно в Закавказье российский образ управления и законы, отменить военный суд в гражданских делах. В этом случае, считал И. Ф. Паскевич, «жители будут более сближаться с Россией. Находясь под покровительством одних законов, пользуясь одинаковыми преимуществами, они менее будут отчуждены от прочих частей государства; между тем как ныне старые обычаи, образ прежнего управления и тот же порядок — все напоминает им отдельное их существование и различие от россиян».

Как известно после А. Паскевича его деятельность продолжил барон Розен, который так же, как и А. Ермолов предлагал продолжить сбор адатов с тем, чтобы затем установить права, обычаи и законы согласно собранным нормам обычного права. Проблема затягивалась, и с учетом нескольких разных взглядов и подходов необходима была основательная и масштабная ревизия, чем и была занята миссия сенатора П.В. Гана, отправленная на Кавказ. Итогом работы миссии П.В. Гана стал проект административного управления на Кавказе. Надо отметить, что это была довольно сложная задача, с учетом специфики региона, особенно касательно Северного Кавказа и Дагестана. Задача усложнялась еще и тем, что этот регион был этнически пестрым и многоконфессиональным, не говоря о том, что, к примеру, в Дагестане были сложившиеся веками государственно-правовые институты. Но, тем не менее, 10 апреля 1840 г. было опубликовано «Положение», согласно которому весь Кавказ должен был быть переведен на рельсы имперских гражданских и уголовных законов и судов.

Следовательно, официальная точка зрения в большей степени отражала взгляды сторонников имперского управления повсеместно без учета местных условий. А именно то, что предлагали А. Паскевич и сенатор П.В. Ган. Это мероприятие не имело перспектив и провалилось, в связи с чем в 1842 году Николаем I «Положение» было отменено и, следовательно, проект был закрыт.

Поиск оптимального варианта продолжался, и военная администрация на Кавказе вновь обратилась к адату и практике его применения. Она имела целью поиск наиболее эффективного способа интеграции населения региона в систему российской государственности. Д.С. Бибииков в 1842 году представил на имя командующего войсками Кавказской линии генерала Е.А. Головина три доклада, в которых был изложен проект сбора местных адатов. Этот проект был одобрен. Д.С. Бибииковым была составлена специальная программа. Для реализации данной программы нужны были специалисты, в том числе знающие местные адаты, ими стали чиновники, офицеры и представители местных народов, состоящие на военной или гражданской службе империи.

Как указывалось выше, для реализации проекта, был привлечен большой круг лиц не только из числа русских офицеров, но также и представителей коренных народов. При этом важно отметить, что сам Д.С. Бибииков, исходя из того, что в местных судах дела разбирались и по адату и по шариату, ставил вопрос о предпочтительности того или иного права. Он, не имея на него однозначного ответа, предлагал для начала перевести шариат на русский язык, а адаты собрать и записать.

Со временем в Дагестане этот вопрос, хоть и не столь однозначно, но был решен имперскими властями в пользу адата, причина чего коренилась, прежде всего, в политике и результатах движения горцев под руководством имама Шамиля, то есть они стремились, ограничить сферу деятельности духовенства и применения шариата.

Вместе с тем, для этого имелись и некоторые соображения юридического порядка, которые, наряду с политическими, были весьма тонко подмечены А.В. Комаровым. По его мнению, самое общее применение судопроизводства по адату получило при образовании управления Дагестанской областью в 1860 году. При составлении проекта «Положения об этом управлении...» предполагалось дать народу такой суд, который, будучи сообразен с его понятиями и обычаями, давал бы возможность постепенно, без неудобств для народа перейти со временем к решению всех дел на основании общих законов империи и этим прочно и навсегда утвердить гражданское управление. Для этого признано необходимым оставить суд по шариату и по адатам во всей его силе; причем имелось в виду, что на адаты народ смотрит как на дело ума человеческого и беспрепятственно допускает изме-

нение их, если видит в этом, хотя бы малейшую пользу для себя.

З.Х. Мисроков, основательно изучивший этот вопрос в своей работе раскрыл проблему и процесс адаптации обычно-правовых систем северокавказских народов к имперскому законодательству. Он пишет: «...Политика России в отношении северокавказских народов не искажала логики их развития, особенно в том, что касается права. Это выразилось в становлении в XIX века феномена правового плюрализма – государственной легитимации традиционных правовых образований (адата и шариата) и использовании их в регулировании отношений в этническом социуме параллельно с правом России в процессах динамики ее государственности. Сущность Российской империи не похожа на колониальные империи Запада. Присоединение к России и интеграция инонационального права – это процесс, обусловленный, с одной стороны, становлением российской государственности, с другой – общественно-политическим развитием народов Северного Кавказа...» [2, с. 297].

В «Положении об управлении Дагестанской областью», утвержденном 5 апреля 1860 г., устанавливалось, что местное население Дагестана управляется «по народным обычаям и особым постановлениям», а суд отправляется под наблюдением местной военной власти «по адату», в некоторых случаях – по шариату и особым постановлениям. Отношение российских военных властей Дагестана к обычному праву не раз менялось. По мнению З.Х. Мисрокова, на Северном Кавказе профилирующей чертой является юридический плюрализм — взаимодействие адата, мусульманского и русского права, который опосредовал реальную общественную жизнь, определял поведение людей.

Он, безусловно, прав, уточняя, что в процессе конвергенции адатского и мусульманского права с правом России в этот период определилось место, которое им отводится как социальным факторам. В рамках правового плюрализма после систематизации, редактирования и рациональной институционализации северокавказского адата и шариата их нормы наравне с законами Империи регулировали самые разные аспекты общественных отношений [3, с. 160].

И интересный аспект процесса эволюции адатского права «... Преобразование адата и шариата, особенно процессуальных сторон, обусловило их инкорпорацию в законодательство Российской империи. Трансформация систем традиционного права народов Северного Кавказа в составную часть правовой системы империи в конце XIX в. дополняется учреждением весьма стройной и устойчивой государственной системы горских словесных судов, организация деятельности и компетенция которых регламентировалась совокупностью норм русского, адатского и мусульманского материального и процессуального права. Судьи, в том числе и кади, приобрели статус государст-

венных чиновников, получающих жалование...». Действительно это было важным достижением и фактически отвечающим требованием времени.

Привлекает значимый вывод З.Х. Мисрокова относительно устойчивости и легитимности норм адата и шариата. Он полагает, что систематизация и редактирование адата, рационализация шариата, в частности, процессуальных их аспектов, являются, несомненно, продуктом деятельности Российского государства. Тем самым юридическим нормам адата и шариата была придана устойчивость и легитимность [4, с. 161].

Процесс адаптации проходил уверенно, в некоторой степени этому процессу содействовала деятельность правителей феодальных владений, находящихся на службе Российской империи и одновременно назначенных на правление тем или иным владением, в рамках системы военноподчиненного управления. Поэтому власть, сохраняя в первой половине XIX века управление в руках ханов и беков, исходила из того, что в их лице она имела социальную опору и использовала ее в своих целях. Правители, вернее владетели, на местах проводили политику центра, предписывая и обязывая населенного или иного владетеля к соблюдению спокойствия, исполнению законов и предписаний вплоть до повинностей и податей. Такой подход и отношение видны по содержанию очень важного для темы документа, а именно «Объявления полковника Сулейман-паши, шамхала Тарковского о порядке управления шамхальством и решения уголовных и гражданских дел от 30 мая 1830 года» [5]. То есть не кодекс, не свод адатов, а именно предписание об управлении шамхальством и регулирование уголовных и гражданских правоотношений при этом озвучивает Сулейман-паша как правитель шамхальства Тарковского, но уже на службе Российской империи.

Данный документ интересен еще и тем, что уже в первом пункте говорится о запрете на действие архаичных институтов на территории Дагестана (Шамхальства Тарковского) – взятие баранты* [6, с. 25]. Что важно – предписание указывает на все правовое поле, где «в провинциях, состоящих под покровительством могущего Российского престола, возбраняется самоуправие» и, следовательно, запрещается брать ишкль под страхом «строгой за то ответственности».

В предписании сказано уже конкретнее, раз и навсегда: «Как вообще в провинциях, состоящих под покровительством могущего Российского престола, возбраняется самоуправие, то сим, объявляя всенародно, предписываю, чтоб отныне бывшее обыкновение взять барамту (удовлетворение за претензии) прекратить совершенно под опасением строгой за то ответственности» [7].

Уже далее в документе о формировании государственно-правовых институтов при этом под-

черкивается необходимость и оговариваются формы регулирования подобных дел. Конечно, влияние иноправовых систем было существенным. М.А. Исмаилов по этому поводу писал: «...Безусловно, с утверждением ислама существенно меняются многие нормы, но в основном шариат стал регулировать вопросы гражданско-правовых взаимоотношений, а адат – уголовно-правовых отношений. Конечно, шариат мягко адаптировался к адату, но в то же время ислам, и в целом арабская культура, дали возможность письменной фиксации и появления разных институтов, в том числе и института кадия, который взял на себя определенные функции старейшин, в основном медиаторские...» [8].

В данном случае при возникновении всякого рода претензий шамхал (правитель. – Авт.) обязывает беков и старшин доставлять «немедленное удовлетворение всем жалобщикам, имеющим справедливые претензии». Далее конкретнее и в целом «...с тем вместе ставлю в неременную обязанность всем бекам, имеющим в управлении места и селения, и старшинам деревень, наблюдав за сим, доставлять немедленное удовлетворение всем жалобщикам, имеющим справедливые претензии, в случае же недоставления удовлетворении или несправедливости, могущей быть произойти от беков и правителей, приносить жалобу управляющему шамхальством, который обязан доставить справедливой стороне свою защиту. Ну, а если не «доставить справедливой стороне свою защиту», то «...в противном же обиженный приносит жалобу и на управляющего высшему российскому начальству и к сему должны приложить печатью или руки (скорее всего, речь идет заверении подписью-приложением. – Авт.) во всех селениях в том, что им объявлено».

То есть в конечном итоге «обиженный» приносит жалобу и на управляющего (правителя шамхальства Тарковского. – Авт.) «высшему российскому начальству», что в принципе укладывается в политику центра касательно адаптации обычно-правовых институтов к имперскому законодательству.

Регулирование обычно-правовых институтов происходило путем обращения к «управляющему шамхальством», однако если истец не был удовлетворен и не нашел должной защиты, то к высшему российскому начальству (видимо, в рамках Дагестана того периода). Второй момент связан с более значимым и общественно-опасным преступлением – убийством. На этот счет предписание обязывает местных чиновников, конкретно управляющего и старшину села арестовать убийцу и препроводить его управляющему шамхальством [9]. Итак, «... Если случится где смертоубийство, то управляющий деревнею или сельская старшина вообще со всеми жителями места того обязаны безусловно схватить убийцу [и] представить управляющему шамхальством, который обязан сдать виновника российскому начальству».

* Баранта (ишкиль) – институт обычного права Дагестана.

При несоблюдении этого пункта тут же предусмотрено наказание «... если же случится с чьей-либо стороны в сем послабление, то за убийцу должен быть отдан виновник того послабления, когда же со стороны управляющего шамхальством случится таковое, то равной ответственности подлежит и [он] сам; дневные разбои и насилия подлежат сему же правилу взыскания...» Далее в документе интересный пассаж касательно того, что «...в благоустроенном государстве подобные происшествия нестерпимы...».

В предписании говорится также о делах, связанных со сватовством и женитьбой и других проблемах гражданско-правовых отношений. Конечно, не обошлось без вопросов регулирования налогов и повинностей, налагаемых на жителей шамхальства, если и тут будут нарушения, то «обиженные от честных правителей приносят жалобу управляющему шамхальством, от шамхала же – высшему российскому начальству...».

Система уже налажена, предписания составлены, население ознакомлено, теперь речь пойдет о том, как работала эта система, где и как разбирались уголовно-правовые и гражданско-правовые дела не только в рассматриваемый период, но и после в ведения военно-народной системы и создания Дагестанской области.

Как известно, население Дагестанской области в судебном отношении было причислено к Тифлисской судебной палате и Бакинскому окружному суду. В плане деятельности ежегодно по распоряжению в Дагестанскую область командировалось население в областное отделение окружного суда для рассмотрения и решения на месте возникающих судебных дел. Командировалось как в качестве суда первой инстанции, так и в качестве апелляционного для мировых отделов Дагестанской области. Для этого в городах области, Темир-Хан-Шуре, Дербенте и Петровске – были созданы мировые отделы, а в селе Дешлагаре – следственно-мировой участок. Население Дагестана, находящееся в ведении военно-народного управления, согласно статье 1306 Устава Уголовного судопроизводства и ст. 977, т. X, ч. 2. Судопроизводства гражданского 1876 г. было подсудно Дагестанскому народному суду и девяти окружным словесным судам, где дела разбираются по адату и шариату.

В Дагестанском народном суде, служащем апелляционной инстанцией для девяти окружных словесных судов, председателем являлся помощник военного губернатора, а в качестве членов – назначаемые военным губернатором почетные и знающие адаты горцы, обыкновенно по одному человеку от каждого округа Дагестанской области.

В свою очередь, в окружных судах председательствуют начальники округов, а в качестве членов (которых называли диван-беки. – Авт.) в них заседали выборные населением округа, по одному от каждого наибства данного округа. Население области, кроме Дагестанского народного суда и

окружных словесных судов, было подсудно также и общим судебным учреждениям в следующих случаях: во-первых, если преступление было совершено ими на территории, не подчиненной военно-народному управлению и, во-вторых, если в судебном процессе с горцами, в качестве одной из сторон являлись лица, не подчиненные военно-народному управлению. Политические же преступления горского населения подлежали ведению администрации на общем положении [10].

В плане отчетности работы суда в 1898 году Бакинским окружным судом было рассмотрено 212 преступлений, это на 93 дел больше по сравнению 1897 годом.

Аналогично мировыми отделами было рассмотрено в 1898 году 1587 преступлений, что по сравнению 1897 годом больше на 343 дела.

По всем преступлениям было осуждено:

- по приговорам окружного суда – 27 лиц;
- по приговорам мировых отделов – 1273 мужского пола;
- 57 человек женского пола, а всего осужденных по окружному и мировым судам было 1357 лиц обоего пола, по сравнению с 1897 г. на 473 человека больше.

Число преступлений, рассмотренных в окружных словесных судах, составило 2764, на 712 преступлений больше, чем в 1897 году.

Всего по этим преступлениям было осуждено 947 человек мужского пола и 88 женского, в общем 1035 лиц; по сравнению с предшествующим годом на 103 человека меньше.

Как видим, по разным видам преступлений, к примеру, преступления по кражам, мошенничеству и обманам составляют 33,7%, т.е. почти половину всех остальных преступлений, рассмотренных в окружных словесных судах области. Эти преступления в 1899 году, по сравнению с теми же преступлениями в 1898 году, увеличились с 927 до 1408 преступлений*.

Теперь что касается приговоров и решений суда: в 1899 году по приговорам окружных словесных судов было взыскано в пользу потерпевших 4433 руб. 75 копеек, окружных – 11023 руб. 20 копеек, сельских – 1140 руб. 00 коп.; всего – 56760 руб. 38 коп.

Появился новый вид наказания для Дагестанской области (так как такая форма имела место, но только в территориальных рамках Дагестана и его с успехом применял Шамиль). Это наказание было встречено в Дагестане жестко не из-за содержания, а как вид наказания, особенно при

* Число преступлений в отчетном году, по сравнению с предыдущим, уменьшилось только в округе Даргинском с 457 до 381, во всех же остальных оно увеличилось: в Темир-Хан-Шурином – с 160 до 170, в Аварском – с 74 до 140, в Андийском – с 99 до 152, в Гунибском – с 156 до 166, в Казикумухском – с 216 до 751, в Кайтаго-Табасаранском – с 360 до 426, в Кюрином с 364 до 384 и в Самурском – с 166 до 194.

реализации института кровной мести. Этот вид наказания был связан с приговорами окружных словесных судов, сельских обществ и распоряжений администрации, согласно которым за разные преступления 101 чел. (в 1898 год – 37) был сослан в Сибирь и во внутренние губернии России. Неприятие этого вида наказания объясняется очень просто: для свершения мести надо было идти за ссыльным в Сибирь и совершить месть или на время отложить ее.

В Интернете опубликованы интересные материалы по поводу исполнения этого вида наказания. Речь о ссылке партии горцев в Олонецкую губернию, а именно в город Опочку [11].

В деловой переписке по вопросу отправки и приема партии ссыльных горцев отмечается: «...Министерством внутренних дел получено сведение, что из числа 1000 семейств мятежных горцев, часть которых, как известно вашему превосходительству, будет помещена в г. Опочке, уже назначены к отправлению из г. Темир-Хан-Шуры 600 человек. Все они будут следовать в г. Опочку тремя партиями, в составе около 200 душ каждая, под конвоем от местных или полевых войск, чрез г[орода] Владикавказ, Харьков, Москву, Петербург и Остров, согласно прилагаемому при сем примерному расписанию, из коего видно, что прибытие означенных партий в г. Опочку предполагается 30 января и 4 и 9 февраля 1878 г. ...» [12].

Конечно, наказания такого рода создавали проблемы, но в скором времени с такой ситуацией смирились, и фактически уже партии ссыльных горцев отправлялись в отдаленные районы Империи довольно таки часто. Конечно, попытки влияния на ход судебного процесса и в целом приговора были. Н.М. Рейнке писал о том, что в Хасавюртовском суде судье предлагали взятку за освобождение преступника-кровника однозначно для исполнения мести. Автор обратил внимание на эту проблему, отмечая, что в судах были специальные помещения – «кровники». Он писал: «Применительно к воззрениям на кровавую месть, как на право и обязанность родственников убитого, устроен даже и самый зал заседаний Дагестанского народного суда в Темир-Хан-Шуре. Зал, в той его части, которая предназначена для свидетелей, разделен надвое достаточной перегородкой, в которой имеется дверь. При слушании дела о деянии, требующем, по воззрению туземцев, кровавой мести, упомянутая дверь запирается наглухо в предупреждение осуществления мести тут же на суде (чему были примеры); вызванные в качестве свидетелей родственники как убитого, так и убийцы, присутствующие в зале заседания, разделены перегородкой. Эта часть помещения суда называется «кровником» [13, с. 61].

В целом привлекает внимание его содержательная оценка природы кровной мести. Он отмечает, что кровавая месть, столь обычная в наше время в Дагестане и среди чеченцев Терской облас-

ти, продолжает держаться по двум причинам, тесно связанным между собой. Бессилие власти в предупреждении преступлений, в раскрытии и в поимке преступников заставляет население прибегать к самообороне и самосуду.

Поэтому процветание самосуда в виде кровавой мести может быть поставлено в вину не только населению, но и местной власти вследствие ее недостаточной организации. С другой стороны, самосуд в виде кровавой мести является для преступных элементов действительной угрозой там, где сохранил силу родовой быт и солидарная, до некоторой степени, ответственность всех за одного и одного за всех. <... > [14, с. 124]

Теперь обратим внимание на то, как рассматривались в Дагестанском народном суде в 1899 году гражданские и уголовные дела. Всего в 1899 году рассмотрено 348 дел из них 151 гражданских и 197 уголовных дел, в окружных словесных судах за тот же год было рассмотрено 5330 дел. Как видим, в Дагестанском народном суде дел было рассмотрено почти в десять раз меньше (348), чем в окружных словесных судах (5330 дел).

Судебная система работала, и появилась необходимость инфраструктуры, отвечающей требованиям суда, как-то: и помещения для судьи, и зал для суда, арестантские помещения и, конечно, тюрьмы для лиц, отбывающих тюремное наказание. Дагестану этого периода уже были известны тюрьмы. Это были своеобразные арестантские помещения, где содержались задержанные, кровники или нарушители общественного спокойствия, от ям (зиндан) до сигнальных башен, где иногда содержались кровники до примирения.

В Дагестанской области в 1899 г. было 12 арестантских помещений, из которых четыре тюрьмы находились в городах, причем три из них состояли в ведомстве Министерства внутренних дел и одна – Петровское исправительное арестантское отделение – в ведомстве Министерства юстиции. При восьми окружных управлениях также имелось восемь тюремных помещений. В некоторых случаях использовалась и гауптвахта. Так, в Гунибском округе арестанты, по распоряжению администрации и решению окружного суда, заключались под стражу в Гунибской крепостной гауптвахте. Другим вариантом решения этой проблемы было то, что при наибских и сельских управлениях Дагестанской области имелось по одному помещению, приспособленному для краткосрочного содержания за маловажные проступки по приговорам этих управлений или для лиц, заключенных для этапа.

С учетом того, что гауптвахты были приспособлены для содержания арестованных, и необходимостью тюремного помещения в окружном городе Темир-Хан-Шуре здание гауптвахты было передано гражданскому управлению, которое было определено под тюремное здание.

Что касается портового города Петровска, то здесь тюрьма помещалась в здании, взятом в аренду властями, у частного лица сроком на 18 лет и с арендной платой по 1600 руб. в год. Другое арестантское помещение находилось в здании бывшей крепости, переделанной и приспособленной под тюремное помещение. До сих пор это здание относится к УФСИН по РД. Специальной службы охраны тюрем и других арестантских помещений не было, обеспечением охраны тюрем в городах занимались войска, расквартированные в гарнизоне, а в округах – милиция, состоявшая при окружных управлениях. Арестанты в городских тюрьмах довольствовались из общего котла, на работы они не выпускались. Хотя тюрьмы и охранялись, но все же были случаи побега. В 1899 г. было два случая побега: один из Петровского и один из тюремного помещения Самурского окружного управления Дагестанской области.

Следовательно, можно говорить о том, что создание системы органов власти и управления, отвечающей политике и интересам центральной власти, было практически завершено. Уже была создана и работала судебная система, учитывающая, в определенной степени, адатно-правовые традиции с учетом новых реалий, а именно влияния имперского законодательства. Было много новшеств, в числе которых – введение новых видов наказания, а также создание исправительной системы в виде тюрем и арестантских помещений.

Безусловно, они утвердились не сразу, отдельные виды наказания долго не принимались, более того, они принимали его как форму консервации кровной мести – до освобождения кровника из мест лишения свободы или возвращения ссылки.

Тем не менее, были заметны определенный спад и положительная динамика наиболее тяжких преступлений, что говорит о более продуктивной работе новой судебной системы, созданной в Дагестанской области.

Таким образом, российская власть активно использовала режим государственно-правовых традиций как политико-юридический инструмент реализации воздействия на состав населения Дагестанской области.

Устанавливая и при необходимости варьируя уровень самостоятельности в Дагестанской области, Россия обеспечивала спокойствие в Дагестане и, тем самым, внутреннюю и внешнюю безопасность Российского государства на юге страны. Это подтвердилось через много лет, когда был нанесен удар именно в Дагестане в 1999 году вторжением нескольких тысяч боевиков с целью оторвать регион от России. Благодаря мудрости и мужеству народов Дагестана вторжение было отбито, и народы Дагестана вместе с солдатами Российской армии нанесли мощный удар, практически уничтоживший в конечном итоге центр сепаратизма и обезопасивший южные рубежи Российской Федерации.

Литература

1. Горские адаты. Институты обычного права Дагестана. Ч.3. URL: <http://dargo.ru/publ/28-1-0-758> (дата обращения: 30.08.2016).
2. Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX–XX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 297.
3. Мисроков З.Х. Указ. соч. С. 160.
4. Там же. С. 161.
5. ЦГИА Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2231. Л. 38–40.
6. Исмаилов М.А., Багомедова Л.С. Институты обычного права Дагестана: историко-правовой экскурс // Юридический вестник ДГУ. 2015. № 3. С. 25.
7. ЦГИА Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2231. Л. 38–40.
8. Исмаилов М.А., Багомедова Л.С. Институты обычного права народов Дагестана: кровная месть - механизм действия и принцип реализации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4.
9. Там же.
10. ЦГИА Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2231. Л. 38–40.
11. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 2008. Л. 1–1 об. Д. 2270. Л. 109. Д. 2289. Л. 375., Д. 2270. Л. 49–50. Отечественные архивы. 2004. № 3. URL: <http://www.rusarchives.ru/publication/mountaineers.shtml> (дата обращения: 30.08.2016).
12. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2270. Л. 49 - 50. Подлинник. Рукопись.
13. Исмаилов М.А., Сулейманов З.М. Н.М. Рейнке и его труды по горским и народным судам Кавказского края. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2015. С. 61.
14. Там же. С. 124.

References

1. Gorskie adaty. Instituty obychnogo prava Dagestana. Ch. 3. URL: <http://dargo.ru/publ/28-1-0-758> (data obrashcheniya: 30.08.2016).
2. Misrokov Z.Kh. Adatskoe i musul'manskoe pravo narodov Severnogo Kavkaza v rossiiskikh pravovykh sistemakh (XIX–XX vv.): dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2003. S. 297.
3. Misrokov Z.Kh. Ukaz. soch. S. 160.

4. Tam zhe. S. 161.
5. TsGIA Gruzii. F. 2. Op. 1. D. 2231. L. 38–40.
6. *Ismailov M.A., Bagomedova L.S.* Instituty obychnogo prava Dagestana: istoriko-pravovoi ekskurs // Yuridicheskii vestnik DGU. 2015. № 3. S. 25.
7. TsGIA Gruzii. F. 2. Op. 1. D. 2231. L. 38–40.
8. *Ismailov M.A., Bagomedova L.S.* Instituty obychnogo prava narodov Dagestana: krovnaya mest' - mekhanizm deistviya i printsip realizatsii // Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik. 2012. № 4.
9. Tam zhe.
10. TsGIA Gruzii. F. 2. Op. 1. D. 2231. L. 38–40.
11. Gosudarstvennyi arkhiv Pskovskoi oblasti (GAPO). F. 20. Op. 1. D. 2008. L. 1–1 ob. D. 2270. L. 109. D. 2289. L. 375. D. 2270. L. 49–50. Otechestvennye arkhivy. 2004. № 3. URL: <http://www.rusarchives.ru/publication/mountaineers.shtml> (data obrashcheniya: 30.08.2016).
12. GAPO. F. 20. Op. 1. D. 2270. L. 49–50. Podlinnik. Rukopis'.
13. *Ismailov M.A., Suleimanov Z.M.* N.M. Reinke i ego trudy po gorskim i narodnym sudam Kavkazskogo kraia. Makhachkala: IPTs DGU, 2015. S. 61.
14. Tam zhe. S. 124.

*Поступила в редакцию 13 сентября 2016 г.
Received 13 September, 2016*